АССОЦИАЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ХОЗЯЙСТВА ПРИ МОСКОВСКОМ ГУБПЛАНЕ

338
Г 68

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ МОСКВЫ НА ОРГАНИЗАЦИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ОБЛАСТИ

ОПЫТЫ ПРОФИЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Г. И. ГОРЕЦКИЙ
С. М. МАЛЫШЕВ
и профессор
А. А. РЫБНИКОВ

Труды Научно-Исследовательского Института Сел.-Хозяйственной Экономии
№ 24

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО
ЛЕНИНГРАД
Фонтанка, 57

Главлит № 82068 Заказ № 5953. Тираж 2000 экз.

Профессор А. В. ЧАЯНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Значение публикуемых в настоящем сборнике исследований для изучения Московской области не нуждается в пояснении. Они дают нам яркое и наглядное представление о том влиянии, которое Москва, как огромный промышленный центр, оказывает на окружающее ее сельскохозяйственное пространство. Однако, публикуемые работы имеют не только местное московское значение, но представляют собою не малый вклад в методику экономической географии вообще.

Среди работ Научно-Исследовательского Института С.-Х. Экономии, с самого начала его существования, вопросы экономической географии всегда занимали весьма видное место. Первое заседание Высшего Семинара сельскохозяйственной экономии и политики, из которого впоследствии развернулся наш Институт, имевшее место в феврале 1919 года, было посвящено вопросу сельскохозяйственного районирования и распространенной теперь методике установления сельскохозяйственных районов. Однако, за последнее время, развитие научной мысли выдвинуло перед нами целый ряд других географических проблем, связанных с так называемым штандортом земледелия и установлением факторов, образующих те или иные формы пространственного расположения хозяйственных явлений. Не только описание различных районов и установление их границ, но выяснение механизма воздействия их образующих факторов, постепенно выдвинулось, как основная тема наших географических работ. Эта новая тема естественным образом потребовала и разработки новых методов, могущих разрешить некоторые стоящие перед нами задачи.

Одним из таких методов была выдвинутая нами идея пространственного расположения цен в форме изолиний, которая позволяла изучать все изменения местных конъюнктур и обусловливаемые ею народно-хозяйственные явления.

Другим столь же новым методом работы является изучение влияния расстояния от рынка на сельскохозяйственные образования при помощи так называемых экономических профилей. Настоящая работа и представляет собой как-раз наши первые опыты применения профильного разреза к изучению экономических явлений. Метод профилей, удачно применяемый в геологии и физической географии, сводится к тому, что по поверхности земли проводится мыслимая прямая линия той или иной продолжительности. Экономическое исследование изучает проявление народно-хозяйственных явлений во всех точках этой линии и в результате, мысленно двигаясь по протяжению начерченной линии, исследователь рассматривает постепенное развертывание экономических изменений сопутствующих этому движению. Результаты этого исследования, нанесенные на графики, дают нам весьма яркую картину пространственного влияния дистанционного фактора на изучаемое экономическое явление.

Первоначально идея экономического профиля была применена нами для поверки некоторых положений тюненской схемы в приложении к анализу влияния Московского района на строение сельского хозяйства различных районов, примыкающих к Москве, или далеко отстоящих от нее. Для изучения этой проблемы мы выдвинули экономические профили по течению нескольких железных дорог, идущих от Москвы на многие сотни верст, и применительно к каждой версте отдаления от московского рынка просматривали постепенное падение цен и вызываемое этим изменение в организации сельского хозяйства. Работы эти, сведенные С. М. Малышевым, представляют собой своего рода макропрофили и дают весьма интересную картину механизма влияния большого потребляющего рынка г. Москвы на строение хозяйства окружающих его пространств. Особенно большой интерес в этом отношении представляет профиль, проведенный по железнодорожной линии: Москва — порт Черного моря, на котором весьма наглядно можно отметить

борьбу между перекрещивающимся влиянием внутреннего потребительского рынка и экспортного рынка портов.

Как увидит читатель, результатом этой работы, помимо ее положительных выводов, является постановка целого ряда новых экономических проблем, которые не ощущались и не разрешались никогда ранее. Все же те проблемы штандорта, которые Тюненом и его последователями разрабатывались на массовом материале концентрических зон, получили возможность благодаря методу профилей найти свое разрешение с еще большей выпуклостью на весьма незначительном в количественном отношении материале, позволяющем провести крайнюю экономию исследовательских сил и средств. Успех примененного нами макропрофильного исследования позволил нам использовать его методику и для ряда других более частных проблем. В частности, уже давно при работах по районированию в прениях общих собраний работников Института, перед нами с большой остротой возник вопрос о том, что в сущности представляет из себя граница, разделяющая один район от другого.

Покойный Б. Н. Книпович и очень многие, разделявшие его взгляды, считали, что каждый район представляет собой некоторое пятно, которое, имея в своем центре ярко выраженный признак какой-нибудь формации, не имеет каких-либо точно установленных границ и дает постепенный переход в другое пятно, образующее собой другой район. Говоря иначе, эта точка зрения отрицала возможность физического установления границ района и принимала эти границы условно, считая, что фактически в жизни этими границами является полоса смешанных переходных типов хозяйства.

В противоположность этому взгляду некоторые из экономистов были склонны думать, что границы районов представляют собой гораздо более остро и резко выраженные явления, которые могут быть очерчены вполне реально. Для Института представлялось в высшей степени интересным это теоретическое противопоставление проверить на эмпирическом материале. Наиболее хорошим методом для разрешения этой задачи естественно явилось подробное изучение экономического профиля, проходящего через ряд районов; поскольку подробно составленный экономический профиль при этом должен был пересечь целый ряд границ.

несомненно на нем должен был отразиться и характер этих разграничений. Сообразно этой методологической возможности, летом 1925 года нами была организована экспедиция из Петровско-Разумовского по направлению на север. Экспедиция эта, руководимая Г. И. Горецким и включавшая в свой состав Ждановича, Михановскую, Никишина, Парфенович и ряд других сотрудников Института, прошла через пять районов и пересекла, таким образом, 4 границы, разрезав их двумя параллельными (профилями). Как увидит читатель из предлагаемой монографии Горецкого, в результате этой экспедиции мы получили два почти идентичных профиля, анализ которых скорее подтверждает второе из возможных предположений, т.-е. устанавливает физическое существование границ районов. Несомненно, что произведенное Горецким исследование не может считаться окончательным, т. к. подмосковные пригородные районы, благодаря исключительной силе напряжения влияния большого города на свои окрестности, могли создать вокруг себя такие условия, при которых каждая верста удаления от города имела настолько большое значение, что не допускала возможности образования каких-либо переходных типов хозяйства.

Во всяком случае, для того, чтобы решить окончательно поставленный перед нами вопрос, Институт предлагает использовать метод профильного исследования на каких-либо более отдаленных от Москвы районах, намечая в ближайшее время специальную экспедицию, долженствующую пересечь несколькими профилями предполагаемую границу между картофельно-молочным Звенигородским районом, с одной стороны, и льняно-клеверным Волоколамским, с другой. Надо думать, что в этом районе граница окажется менее резкая, чем в непосредственной близости Москвы и весьма вероятно, что нами будут обнаружены переходные типы хозяйства, под Москвой почти совершенно отсутствующие.

Экспедиция Горецкого, задуманная исключительно для проверки теоретических взглядов на границы районов, оказалась однако гораздо более плодотворной и дала нам целый ряд весьма ценных новых материалов для суждения о стандарте сельского хозяйства вообще, и, благодаря новизне метода, как-то по-новому осветила давно изученное

нами подмосковное пространство. Особенно интересно было в этом отношении установление зоны сельскохозяйственной пустыни, как второй зоны, окружающей Москву.

Эта полоса, почти совсем лишенная сельского хозяйства имеет причиной своего происхождения трудовой тип распространенного крестьянского хозяйства, т. к. высокая оплата труда в городе давала крестьянам этого района больше барыша, чем оплата труда в своем сельскохозяйственном предприятии, сообразно чему труд крестьянской семьи, оставшейся проживать на своем участке, направлялся по преимуществу на ежедневные заработки в Москву, и тем лишал свои земледельческие предприятия рабочей силы и обрекал его на самые экстенсивные формы ведения хозяйства.

Не менее интересной была отметка экономического профиля в момент перехода от свежемолочного района в район кустарный, дающий очень много материала для теоретического суждения о природе нашего крестьянского хозяйства.

В своей работе Г. И. Горецкий весьма подробно остановился на тех возможностях, которые дает исследователю примененный им метод экономического профиля, и намечающаяся им в ближайшее время экспедиция для зарисовки экономического профиля 54-й северной параллели на протяжении 300 верст через всю Белоруссию и часть РСФСР с несомненностью должна будет показать насколько прав он в своих предположениях. Однако, несмотря на всю широту замысла Горецкого, мы думаем, что метод экономических профилей может быть применен в еще большем числе случаев, чем это он предполагает. В частности, мы думаем, что этот метод должен явиться одним из наиболее дешевых и наиболее быстрых методов обследования еще не изученных пространств. Вместо сплошного или выборочного даже исследования всех этих пространств с большой затратой средств и сил на сплошной территориальный учет, нам кажется возможным пройти весь этот народно-хозяйственный массив более или менее частой сеткой перекрещивающихся профилей, регистрирующих в своем течении попадающиеся им экономические явления, и затем дать карту всего района на основе интерполяции зарегистрированных профильных явлений на все межпрофильное пространство. При первой

же возможности Научно-Исследовательский Институт С.-Х. Экономии постарается на практическом опыте проверить эти возможности для метода профильных исследований. Во всяком случае, примененный нами новый метод экономических исследований обещает дать в будущем не мало самых интересных и подчас неожиданных выводов.

Проф. А. А. Рыбников в своей обстоятельной статье, посвященной самой методике профильных исследований, с исчерпывающей полнотою определяет условия и пределы применения этого метода и помечает с большою подробностью дальнейшие пути развития этого, если не совсем нового по идее, то пока еще мало использованного исследовательского орудия. Для нас ученых, исследующих Московскую область, оба публикуемые в настоящем издании исследования уже сами по себе дают исключительно большой материал для суждений о влиянии Москвы на организацию сельского хозяйства окружающих ее пространств и о формах и скорости затухания этого влияния. С теоретической стороны проблема о влиянии Москвы представляет собой исключительный интерес, так как наш город по случайным, а может быть и не случайным, причинам стоит как-раз на стыке трех естественно-исторических районов: северного — лесного, западного — суглинисто-влажного и восточного—сухого и имеющего другой состав почвенного покрова. Кроме того, в непосредственной близости от Москвы мы встречаемся с целым рядом интерзональных, естественно-исторических образований в роде юрьев-польских черноземов, или притоков Оки, вносящих пойменные культуры юга далеко на север. Сообразно этому, Московская область не могла бы представлять собой с естественно-исторической точки зрения никакого, связанного каким-нибудь единством, образования, и только наличность в центре ее огромного промышленного города и огромной силы экономического влияния перекрывает собой усилия естественно-исторических условий и сковывает всю центрально-промышленную область этим экономическим влиянием в достаточно определенное и компактное целое. Нигде более нельзя понять всю силу экономического влияния на строение сельского хозяйства, как именно у нас под Москвой. Это обстоятельство уже неоднократно отмечалось не только экономистами, но и агрономами,

особенно А. Г. Дояренко, и публикуемые нами профильные исследования как-раз и являются первыми работами, глубоко вскрывающими весь механизм и всю сущность этого экономического влияния, — в этом их глубочайшее значение для изучения нашего края, и надо думать, что в ближайшие годы мы должны будем их повторить и по другим радиальным направлениям от нашего города, дабы на их результатах с точностью установить механику преоборения естественно-исторических условий мощным экономическим влиянием города Москвы.

Директор Института С.-Хоз.
Экономии *А. В. ЧАЯНОВ.*

Г. И. ГОРЕЦКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ

Петровско-Разумовское — Дурыкино.

Технический прогресс конца XIX и начала XX века послужил основанием быстрого развития международного разделения труда, которое пространственно вылилось в производственной специализации отдельных территорий. Связанный с этим рост мирового хозяйства, рост мировых капиталистических объединений, чрезвычайно осложнил систему экономической политики внесением в нее одновременно и начал противоречивых и начал плановых, в смысле построения производства на изучении отдельных специализировавшихся территорий, их роли в мировом хозяйстве и их взаимоотношений. Социалистическая революция, устраняющая противоречия между производством и межхозяйственными отношениями, естественно выдвигает, как фундамент хозяйственного строительства, плановое начало, т.-е. прежде всего изучение специализировавшихся территорий.

Вполне понятным поэтому становится тот повышенный интерес к экономической географии, который проявляется в капиталистической Западной Европе и Америке и особенно у нас, в Социалистическом Союзе Республик: считается как бы общепризнанным, что экономическая география дает синтез всех отдельных экономических изучений определенных территорий. Именно „как бы общепризнанным" потому, что еще очень мало общепризнанного у экономистов-географов. Различие мнений идет как по линии того, что является объектом экономической географии — хозяйство в целом или отдельные отрасли хозяйства, — так и по линии того, каким методом должна пользоваться экономическая география: или объяснять размещение хозяйственных явлений в пространстве, находить их географическую обусловленность, или только описывать это размещение и, обобщая описание в той или иной мере, тем самым объяснять его. Различие во взглядах на метод экономической географии следует считать более важным, чем различие во взглядах на объект. Но практически и различия в определении

объекта чрезвычайно существенны: для экономической политики, основанием которой экономическая география является, гораздо важнее знать описание не отдельных отраслей хозяйства, а хозяйства в целом, описание хозяйственной совокупности, района, его специализации и взаимоотношений с другими районами.

Но что такое район, как хозяйственная реальная совокупность? Это есть не что иное, как территориально фиксированная, территориально воплощенная система хозяйства. И если определять экономическую географию, как науку об экономических районах и их взаимодействиях, это значит считать, что география систем хозяйства целиком вмещает в себя всю экономическую географию, считать что часть равна целому.

Все же практически география систем хозяйства представляется наиболее важной частью экономической географии, ибо география систем хозяйства и дает тот синтез, то обобщенное знание о специализировавшихся территориях, которое необходимо, как основание экономической политики. Осознание большой практической важности изучения систем хозяйства и явилось причиной исполнения данной небольшой работы.

Оставаясь в области сельскохозяйственной экономии, системой хозяйства следует называть способ качественного и количественного сочетания отдельных отраслей хозяйства, который определяется местным сочетанием основных факторов производства и косвенно результируется тем или иным строением дохода. Какой бы классификации систем хозяйства ни придерживаться, ясно одно: если классификация не хочет быть слишком общей, а потому и практически малоценной, она должна быть построена на учете не только качественной стороны, но и количественной. Но классификация не может быть и слишком дробной. Поэтому при пространственном отграничении той или иной системы хозяйства выделяются не только пятна территорий с определенно доминирующей какой-нибудь отраслью хозяйства, но неизбежно появляются между ними, между этими пятнами, центрами или ядрами районов, промежуточные переходные полосы. До сего времени в российской экономической литературе интерес привлекало выделение и изучение именно этих пятен или центров районов. И это потому, что вопрос до сих пор чаще всего ставился в отношении статики районов, о динамике же районов в ее пространственной и временной непрерывности имеются только отдельные намеки. Если же поставить вопрос о движении районов, об их территориальных перемещениях и преобразованиях, тогда интерес должны вызывать не основные типичные массивы, занятые определенной системой хозяйства, а как-раз

наоборот — промежуточные между районами полосы, с переходными формами хозяйства. Изучение именно этих переходных полос важно потому, что:

1) оно показывает направление движения районов;

2) показывает темп территориальных сдвигов районов в определенном направлении;

3) дает картину реконструкции форм хозяйства;

4) оно вскрывает зависимость, существующую между отдельными элементами хозяйства, ибо нигде эта зависимость так не обнаруживается, как в изменении.

Каким же образом изучать переходные между территориально-воплощенными системами хозяйства полосы? Может быть в данном случае достаточно обычных статистических переписей, монографическо-бюджетных описаний и наблюдений текущей сельскохозяйственной статистики? Нет, недостаточно, так как:

1) статистического изучения систем хозяйства, хотя бы самого подробного, вообще недостаточно для того, чтобы уловить организационно-производственные детали в изменении форм хозяйства;

2) статистические переписи бывают слишком редко для того, чтобы захватить процесс хозяйственных сдвигов районов в его временной непрерывности;

3) выборочные переписи, даже если они будут ежегодными, не дадут картины пространственной непрерывности в территориальных перемещениях района;

4) бюджетная статистика (особенно в части так называемых „динамических бюджетов") может дать картину движения отдельных хозяйств, а не района; а вследствие происходящей дифференциации крестьянских хозяйств бюджетно-описанные хозяйства, бывшие типичными несколько лет назад, перестают быть таковыми со временем и географическое размещение монографически-описываемых хозяйств может не соответствовать направлению тех хозяйственных волн, в которые сливаются изменения отдельных хозяйств.

Метод исследования, который предлагается называть „методом экономических профилей", восполняет указанные недостатки обычно употребляющихся приемов. Сущность этого метода состоит в следующем:

1) экономическое обследование производится не по всей территории, а лишь на определенных отрезках ее, имеющих форму удлиненного прямоугольника, равнобедренной трапеции или сектора;

2) направление отрезков территории (разрезов, профилей) выбирается с таким расчетом, чтобы оно было, по возможности, перпендикулярным движению хозяйственных волн и пересекало бы территории с разными системами хозяйства не целиком, а лишь промежуточные между ними полосы;

3) обследование по методу экономических профилей должно быть обязательно повторным, иначе теряется главная ценность этого метода — познание движения районов, вскрытие связей и взаимоотношений отраслей хозяйства в их движении;

4) обследование должно содержать: подворное и монографическое описание всех селений, попадающих в профиль, по расширенной программе, и бюджетное описание типичных дворов; крестьянские хозяйства, подвергающиеся бюджетному анализу, должны быть выбраны по возможности географически равномерно;

5) при обработке материалов, отнесение селений к той или иной закономерной группировке должно быть сделано как по признакам, отражающим хозяйственный процесс (показатели организационно-технического строя хозяйства, строение капиталов), так и по признакам, отражающим результат хозяйствования (строение дохода).

Значение метода экономических профилей не исчерпывается только тем, что он дает возможность, с экономией средств, иметь как бы постоянные станции для наблюдения за движением районов; этот метод может иметь и др. применения.

Прежде всего метод экономических профилей применим при описании влияния на систему хозяйства одного какого-нибудь фактора, например, фактора расстояния от рынка, разности почв, смены климатических зон (особенно при вертикальной зональности) и т. д. Чтобы исследовать конкретные формы влияния расстояния от рынка на систему хозяйства, нет необходимости захватывать обследованием большую территорию; достаточно взять небольшой разрез окружающей рынок территории (разрез, конечно, типичный), или несколько разрезов (если существуют значительные отклоняющие условия, например, разность в почве, климате, наличие самостоятельных индустриальных или иных потребительских центров), чтобы проследить те же правильности, которые будут установлены в результате обработки значительно большего количества наблюдений на большой территории. При этом на стороне метода профилей то преимущество, что при этом индивидуальность селений не исчезнет в море средних чисел, и нарастание смены хозяйственных форм будет выявлено с гораздо большей отчетливостью и постепенностью. При исследовании конкретных форм влияния расстояния от рынка на размещение систем хозяйства метод профилей дает чрезвычайно показательные результаты (будь то макропрофили, например Москва — Ташкент, Москва — Севастополь, или микропрофили, например, от Харькова до какого-нибудь украинского села верст за 30—50 от него). Но было бы большой ошибкой сводить метод профилей только к этому.

Метод профилей должен употребляться при всяком не сплошном обследовании какого-нибудь хозяйственного явления в его типичных формах; он обеспечивает обследованию географическую ориентировку и возможность установления закономерности непрерывной смены данного явления в пространстве (но выбор направления профиля в этом случае должен быть подготовлен большой предварительной работой).

Метод профилей может найти применение при железнодорожном проектировании, при выборе желательного направления строящихся железных дорог. И, наконец, можно было бы построить такую сетку профилей в целой стране, напр., СССР, которая бы захватила все типичные хозяйственные формации и отражала бы в себе географию всей страны; достаточно было бы наблюдать хозяйственные изменения в профильной сетке, чтобы по ним судить о хозяйственных изменениях по всему пространству страны.

* * *

Настоящая работа по первоначальному плану и должна была осуществить полностью первую часть профильного обследования в направлении Петровско-Разумовское — Дурыкино (смотр. карту профиля, стр. 24—25). Профиль захватывает полосу в 33 версты длиною, вдоль Октябрьской жел. дор. *и 6 верст в ширину, по 3 версты в каждую сторону* от ж.-д. линии. Выбор профиля именно в данном месте был сделан по следующим соображениям:

а) районы, пересекаемые профилем, расположены под Москвой и сложились под сильным непосредственным ее воздействием, а, следовательно, границы между ними должны быть достаточно резкими (глубокая хозяйственная специализация — лучшее условие для применения метода профилей);

б) районы находятся к северу от Москвы, где сильно развита мелкая кустарная промышленность — представляется интересным проследить, как увязываются сельское хозяйство и промышленность;

в) преобразующее влияние Москвы, как огромного быстро-развивающегося потребительского рынка должно, постепенно усиливаясь, вызывать резкие сдвиги хозяйственных формаций — предстояло их нащупать, описать, объяснить, установить степень *устойчивости*;

г) расположение районов в равном расстоянии в обе стороны от железной дороги обеспечивало однородность действия такого важнейшего фактора, как железно-дорожный транспорт; это действие, правда, видоизменяется действием гужевого транспорта, в частности снабженностью шоссейными дорогами, которые неравномерно размещены в пределах одного и того же района среди нами взятых. Вследствие отсутствия более подходящих направлений для профиля, пришлось допустить названный факт некоторого неравенства условий.

Итак, налицо были очень благоприятные условия для того, чтобы заложить первое профильное обследование, в расчете, что повторное обследование того же профиля приведет к очень ценным выводам. К сожалению, недостаток средств у Научно-Исследовательского Института не позволил осуществить работу полностью: не удалось произвести ни монографического описания крестьянских хозяйств в промежутках между районами, ни новых подворных описаний, пришлось ограничиться только ориентировочным обследованием и использованием для характеристики районов статистических данных за 1899, 1912, 1917 и 1920 гг.

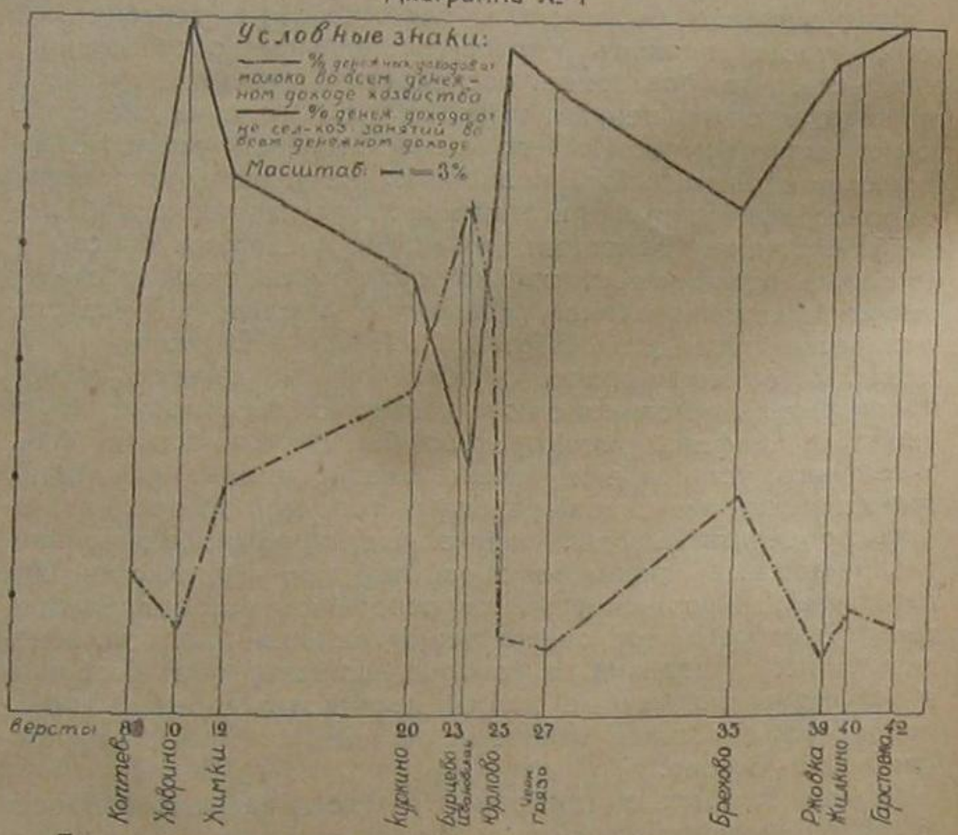
Целью ориентировочного обследования являлось такое предварительное знакомство с хозяйством территории, включенной в профиль, которое дало бы возможность приблизительного установления смены хозяйственных формаций, границ между ними и переходных территорий; предполагалось проверить выводы, полученные ориентировочным обследованием, выводами из обработки данных статистических переписей, а установивши на основании такой предварительной работы переходные между районами полосы, наметить в них те деревни, в которых должны быть собраны и заложены бюджетные записи; кроме этих деревень, предполагалось заложить бюджеты на протяжении всего профиля равномерно.

Была составлена программа. Поселенных вопросов было очень немного: число дворов, населения, промышленников, какие промыслы; число скота, виды его; землевладение, угодья, севооборот; условия сбыта, цены, куда и что сбывают, существует ли организованный кредит. В каждом селении решено было собрать по шести сокращенных бюджетов; в программу этих бюджетов входили, главным образом, пункты, касающиеся учета связи крестьянского хозяйства с рынком, — что продают, что покупают, на какую сумму, денежный баланс, стоимость доставки до Москвы единицы продукта; кроме того, был включен ряд вопросов по технике скотоводства — условия кормления, дачи, существует ли летний подкорм, теплые или холодные хлевы, увеличиваются ли дачи при наивысших ценах на молоко; покупной скот или доморощенный, формы сбыта и транспортирования. Всего было посещено 12 селений, но сокращенных бюджетов удалось собрать не 72, как предполагалось, а только 44.

Фактический материал сгруппирован в 2 таблицы, помещенные в приложении. Данные приведены по каждому селению отдельно на среднее хозяйство (произвести

сводку по группам хозяйств по хозяйственной мощности нельзя было, вследствие малого количества наблюдений).

Диаграмма № 1



Доля денежного дохода от не-сельскохозяйственных занятий во всем денежном доходе (графа 7 [1]), диагр. № 2) показывает относительное значение сельского хозяйства и отчасти его рыночный или нерыночный характер; из таблицы видно, что к северу, начиная с Юрлова, с 25-й версты от Москвы, значение сельского хозяйства в денежном доходе падает до ничтожной величины в 10 — 20%; под самой Москвой оно тоже невелико (30 — 35%) и лишь начиная с Куркина (20 верст от Москвы) достигает значительных размеров (45 — 60%, а в Ивановской даже 70%).

Преобладающими не-сельскохозяйственными занятиями являются: в полосе до 12-ти верст от Москвы — заработок непосредственно в самой Москве, в следующей полосе — извоз, потом мелкие кустарные промыслы и, наконец, снова извоз. Мелкие промыслы — это главным образом столярничество, охватившее большую полосу от Юрлова (25 в. до Москвы) до Жилкина (40 в.); перед этой полосой и в конце ее лежат селения со смешанными промыслами — в начале

[1]) См. приложение № 1.

ближе к Москве — кузнецы, слесаря, паяльщики, шорники, в конце — трикотажники, плотники и т. д. Столярничество — старинный промысел, возникший здесь весьма возможно в связи с наличием лесов; эта связь вероятно была быстро утрачена; теперь столяры работают исключительно на покупном сырье. Трикотажный промысел самого новейшего происхождения: кооператив случайно купил в 1919 году вязальную машину, за ликвидацией кооператива некоторые крестьяне сделались невольными обладателями этой машины, научились работать — и промысел осел прочным гнездом. Необеспеченность пашнею, малоземелье вообще, вряд ли играли заметную роль в географии промыслов под Москвой,— по крайней мере не играют в настоящее время: размер пашни на одного жителя почти равномерен по всей территории (графа 12).

В денежных поступлениях от сельского хозяйства, конечно, исключительную роль играют поступления от продажи молока (графа 16 и диагр. № 1); роль эта под самой Москвой, в Коптеве, замещена картофелем, в общем же она с удалением от Москвы понижается, хотя и не вполне равномерным рядом. Но судить об удельном весе молочного хозяйства в общем строе крестьянского хозяйства по отношению дохода от молока ко всему денежному доходу от сельского хозяйства — нельзя; большее представление об этом даст отношение этого дохода ко всему денежному доходу крестьянского хозяйства (графа 17). Наибольший удельный вес молочное хозяйство имеет не под самой Москвой (в полосе до 10 верст) и не в кустарно-промышленной полосе (Юрлово — Жилково), а между ними — в районе Бурцева, Ивановской, Куркина (40 — 70%).

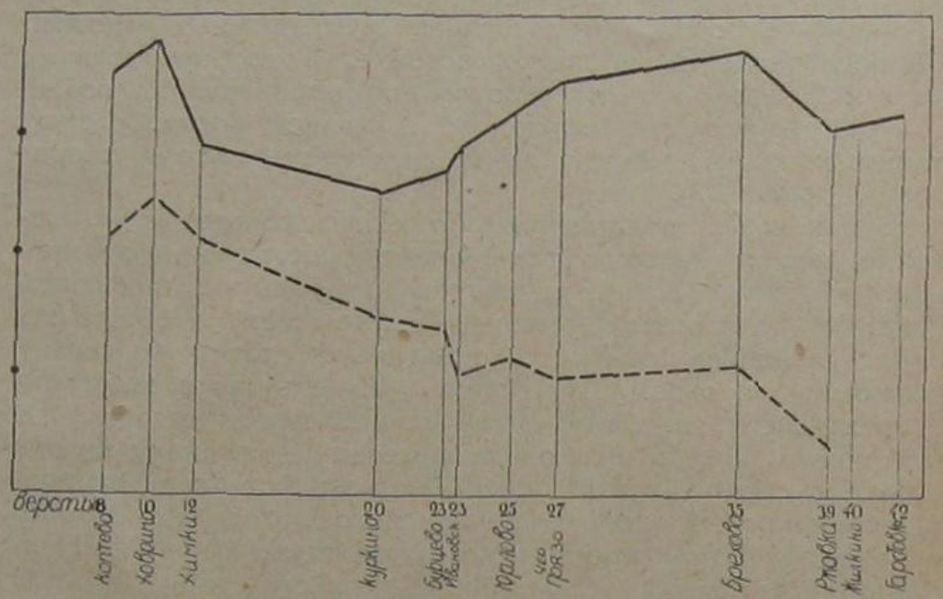
В составе стада (графа 15) наблюдается по направлению Москва-Дурыкино закономерная последовательность в появлении новых видов домашних животных: в первых деревнях от Москвы были только коровы и лошади, потом появились овцы, за ними через несколько верст телята и, наконец, в 23-х верстах от Москвы — свиньи; в кустарно-промышленной полосе овцы сделались очень важной составной частью стада: в Юрлове и Ржавках они превысили своим количеством даже число коров; число свиней везде было ничтожным.

Между обеспеченностью коров выгонами (графа 13) и долею затрат на корма скоту в общем денежном расходе (графа 14 и диагр. № 3) хотя и есть некоторая связь в нарастании рядов (обеспеченность выгонами по мере удаления от Москвы растет, процент кормов в общих затратах, в таком же направлении уменьшается), но она вероятно случайная; рост затрат на покупные корма должен указывать на увеличение интенсивности и рыночности молочного хозяйства, на наме-

чающийся разрыв между полеводством и животноводством, что и наблюдается под Москвой.

Тому или иному экономическому положению молочного хозяйства должен соответствовать и технический уровень хозяйства. Чем ближе к Москве, тем большая часть опрошенных хозяев имели теплые хлевы, тем большая часть их практикует летний подкорм скота (графы 18 и 19). Высокая

Диаграмма № 2



———% затрат на продовольствие в общих денежных затратах
– – – – % затрат на корма скоту в общем денеж. расходе хоз.
Условные знаки
Масштаб: —

оплата кормов молоком, сравнительно с оплатой выращивания молодняка, является причиной того, что в ряде ближайших к Москве селений — коровы исключительно покупные; по мере удаления от столицы увеличивается значение доморощенных коров и уже в 35-ти верстах от Москвы, в Ржавках, все коровы являются у опрошенных хозяев доморощенными.

В системах полеводства тоже были наблюдены некоторые правильности: непосредственно под Москвой — вольная система с пестрополье; дальше — четырехполье; и уже с 15-й версты от Москвы — от деревни Барашки (в прилож. № 1 от деревни Куркина, в 20-ти верстах) началось типичное русское трехполье; в конце профиля оно сменилось трехпольем с посевами клевера на запольных участках (в ближайшей к Москве трехпольной полосе посевы клевера выпали за годы гражданской войны).

Судя по порядку следования культур всю территорию профиля нужно отнести к ржано-овсяно-картофельным

районам; интересно отметить, что посевы вики почти целиком падают на деревни, расположенные под Москвой: это связано или с более интенсивными системами полеводства под Москвою, или с наличием летнего подкорма коров.

Зерновые озимые во всех районах, захваченных профилем, имеют исключительно продовольственное значение, на рынок они не поступают; овес сбывается как из собственно-земледельческого района (Бурцево-Ивановская), так и из кустарно-промышленного (Ржавки); сбыт картофеля идет не только из ближайших подмосковных селений (Коптево, Химки), но и из средне-удаленных (Бурцево, Ивановская) и даже дальних (Черная Грязь, Ржавки); из последних может быть отчасти, потому, что лежат они непосредственно у Дмитровского шоссе; молоко сбывают все селения; а из ближайшей деревни, лежащей у северной границы профиля, Новосергиевской — начинается уже сбыт сена.

Формы сбыта молока, будучи под самой Москвой исключительно единоличными, с 12-й версты становятся смешанными — единолично и сбыт через соседей или скупщиков; сбыт через скупщиков постепенно нарастает, делается, наконец, чисто скупщицким и в конце профиля сменяется кооперативным (Дурыкино).

Частота сбыта меняется с расстоянием совершенно закономерно (графа 27): до 12-й версты сбыт ежедневный, потом через день, несколько раз в неделю.

Возможно, что именно с частотой сбыта, с возможностью благодаря ежедневной реализации продуктов всегда иметь хотя и незначительные наличные суммы, — стоит распространенность организованного кредита (графа 28): он совершенно отсутствует в ближайших к Москве селениях (может быть здесь сказывается и легкость частного кредита в Москве, см. Макаров „Кредитн. Кооперация“).

Связаны с расстоянием от рынка и формы транспортирования; под Москвой — сбыт пешком, потом — пешком и по жел. дор., далее — гужом и наконец — снова по жел. дор. с доставкой на станцию пешком или гужом, смотря по расстоянию (графа 30).

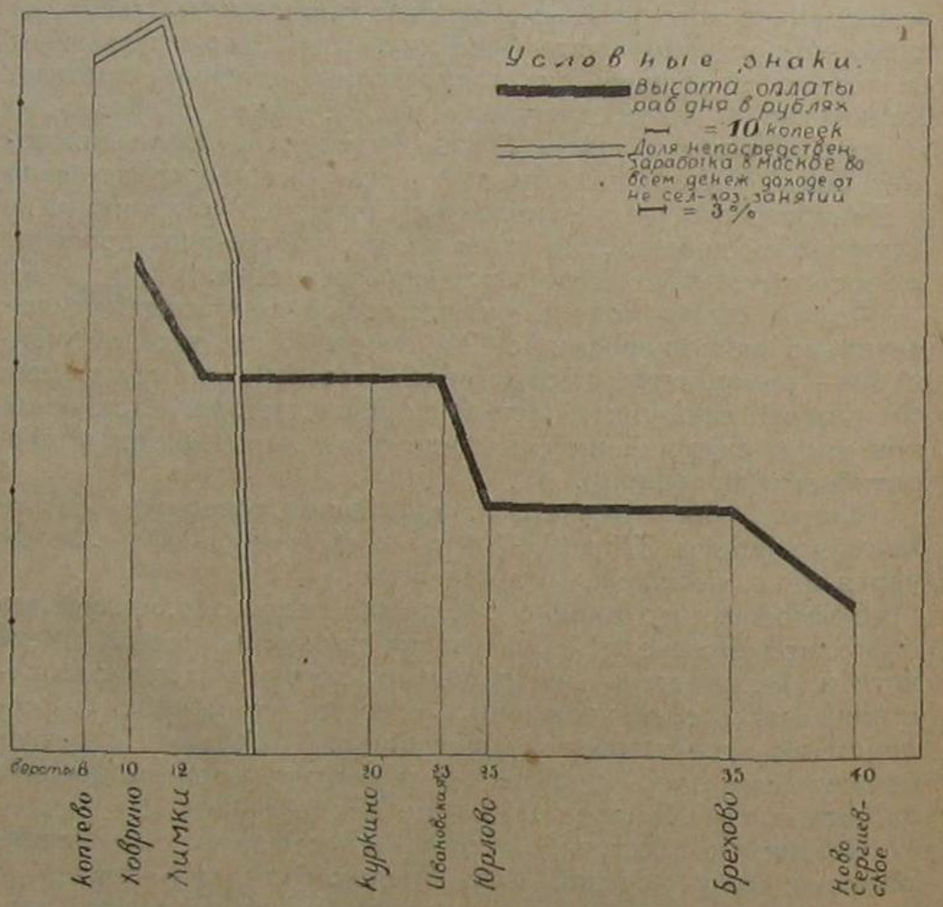
Конечно, расходы на доставку на московский рынок единицы продукта, в данном случае одного фунта молока, вырастают с удалением от Москвы (графа 29): доставка с 10-й версты обходится 1,08 к. фунт, с 23-й версты — 1,80 к.

Замечается с удалением от Москвы постепенное спадение и оплаты рабочего дня взрослого поденного рабочего, и спадение довольно резкое: с 2 рублей в Ховрине, на 10-й версте, до 1 р. в Юрлове, на 25-й версте, и до 60 копеек в Новосергиевском, на 45-й версте (диагр. № 4).

Установить местные цены на с.-х. продукты не везде удалось, потому что для некоторых селений такие цены не

существуют, в своей деревне не продают, знают только московские цены или цены ближайшего рынка. Как видно из приложения, по мере удаления от Москвы цены на молоко и картофель постепенно падают, цены на ржаную и пшеничную муку, овес, отруби и жмыхи — растут.

Диаграмма № 4



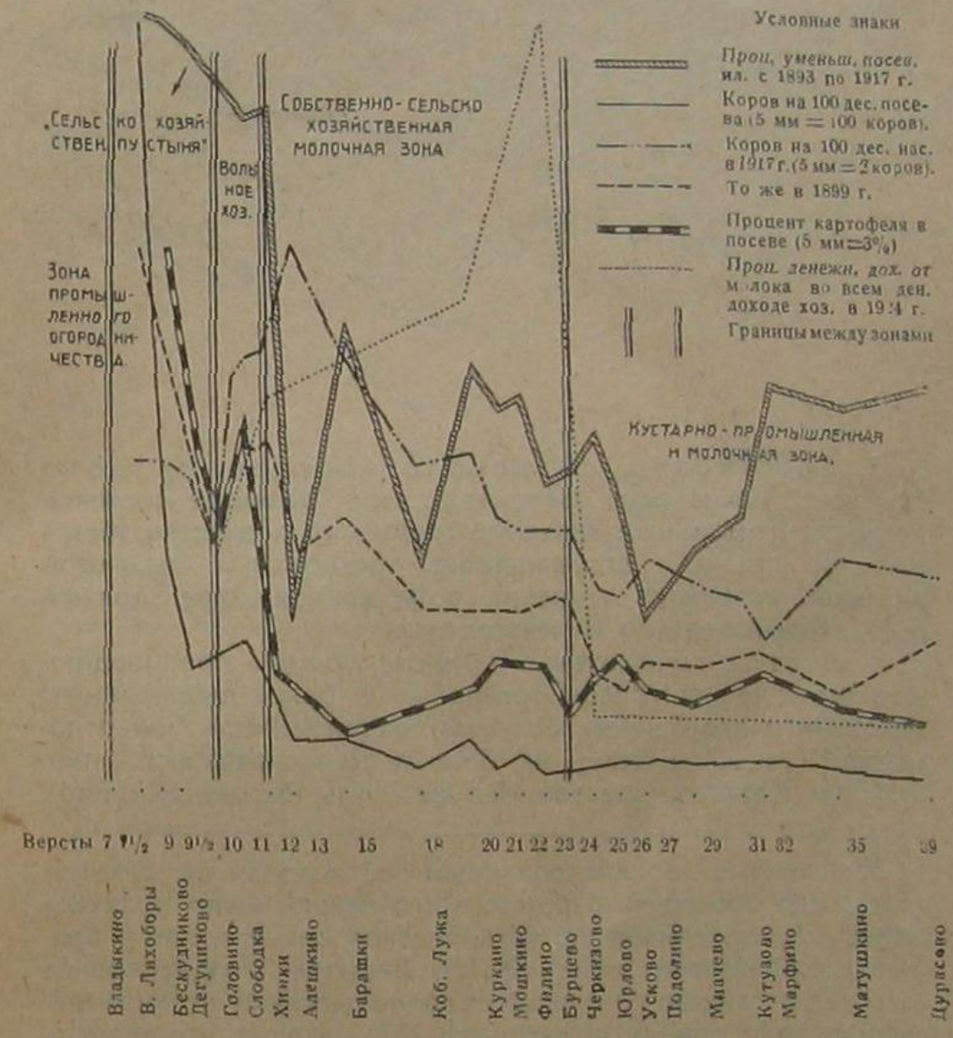
Ограничиваясь пока чисто эмпирическими наблюдениями и их обобщением, можно было, имея в виду главную задачу ориентировочного обследования, установить следующие зоны на протяжении профиля:

1. Промышленное огородничество, зона, кончающаяся у Петровско-Разумовского и вклинивающаяся в профиль у Коптева (промышленные огороды на арендуемой у сел. Коптева земле).

2. Вольное хозяйство (деревни Коптево, Ховрино, Химки): интенсивное молочное хозяйство на покупных кормах, в очень слабой и все слабеющей связи его с полеводством; пестрополье; тесная связь с Москвой; возможность

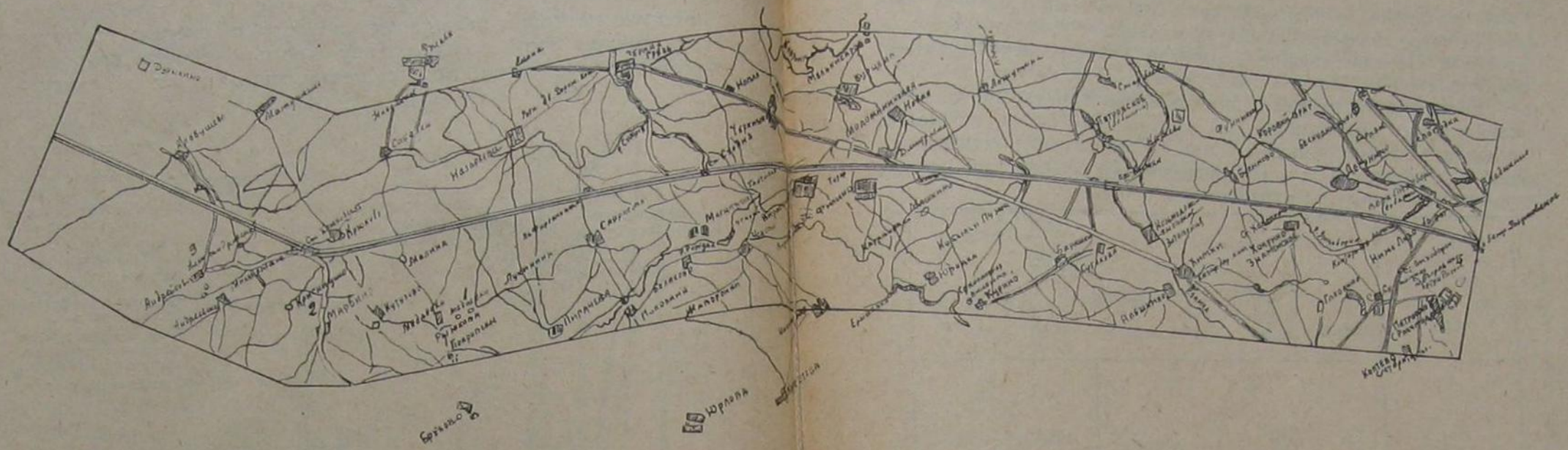
там ежедневно реализовать рабочую силу по такой оплате, которую не может дать сложившаяся здесь система хозяйства (а переход этой зоны в зону промышленного огородничества невозможен при существующих ценах и емкости

Диаграмма № 4 б



рынка на продукты огородничества), вытесняет сельское хозяйство, превращая ближайшую к Москве часть этой полосы „в сельскохозяйственную пустыню" [1] (Коптево).

[1]) Этой зоны Тюнен не мог заметить, так как он устанавливал соотношение рент, а не соотношение оплат труда; город тюненовской действительности был слишком мал и ничтожен, чтобы играть роль „вытяжных труб" по отношению к сельскохозяйственным рабочим, что в наше время сделалось общим явлением. Образуется эта „пустыня" по иным основаниям, чем „пустыня" Скворцова.



3. Собственно сельскохозяйственная зона (Куркино, Ивановская, Бурцево): слабо развитая промышленность, наибольшее значение молочного хозяйства, большая его увязка с полеводством; трехполье с клевером и викой; возможно усиление роли свиноводства; должен быть скорый переход на многополье.

4. Кустарно-промышленная зона — преобладающее значение промыслов; трехполье с более выраженным зерновым направлением; большая экстенсивность животноводства (овцы, телята); не богатое сельскохозяйственное будущее (Юрлово, Брехово, Черная Грязь, Ржавки, Жилино).

Выделенные ориентировочным обследованием полосы предстояло проверить. Прежде всего нужно было получить самые краткие данные об исторической смене полос в профиле. Использовав работу К. А. Вернера „Подмосковное сельское хозяйство“ [1]) и проведя границы между установленными им районами (см. на карту стр. 117), находим, что та часть территории профиля, которая только что названа „зоной вольного хозяйства“ (Коптево, Химки, Ховрино), в 1881 году имела такую характеристику: „Трехпольное хозяйство. Навоз производится в самом хозяйстве. Торговля молоком“; об остальной территории нашего профиля, где тогда господствовало трехпольное хозяйство очевидно без сбыта молока, К. А. Вернер писал, что влияние Москвы на ней не сказывается.

---

[1]) „Сборник статистических сведений по Московской губернии“. Т. 1, вып. II, М. 1882 г.

За 44 года таким образом произошло сравнительно небольшое изменение: трехпольная зона отодвинулась от Москвы только на 15 верст, зато сбыт молока захватил огромную территорию, далеко выходящую за пределы Московского уезда. Но чтобы влияние Москвы в то время

Селения с расстоян. до Москвы верст	Увеличен. числа коров с 1869 — 1881 г.	В 1881 году прих. коров		% овец к кор. 1881 года	% телят к кор. в 1881 г.
		На 1 двор надельн.	На 1 двор коровн.		
0 — 15	+ 30,2%	1.12	1.631	65,9	1,8
15 — 25	+ 29,9%	1.11	1.548	103,4	14,3
Св. 25	+ 24,3%	1.09	1.547	112,9	14,4

не сказывалось на организации хозяйства территории нашего профиля за пределами Химок, вряд ли это верно. Достаточно небольшой таблички, в которой сгруппированы данные переписи 1881 г. по селениям, попавшим в профиль, чтобы выдвинуть противоположное утверждение (см. табл. на стр. 25).

Расстояние сказывалось в 1881 году на большей территории, чем полагал К. А. Вернер (12 верст): это видно и по темпу прироста коров, и по числу коров на один двор, и по проценту овец и телят к коровам. Расстояние сказывалось в 1881 г. и на дифференциации дворов по коровности (см. табл. на стр. 26).

Чем ближе к Москве, тем сильнее проявлялась уже в 1881 году дифференциация крестьянских хозяйств: процент хозяйств, имевших свыше 2-х коров, увеличивается по мере приближения к Москве.

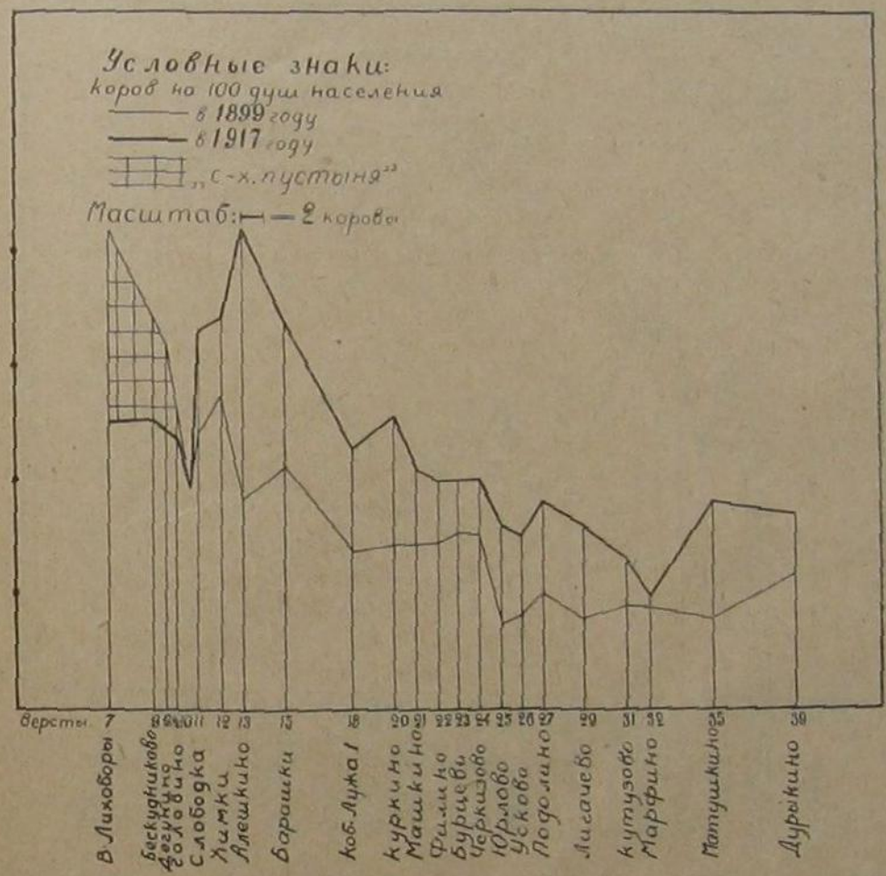
Соберем статистические данные, характеризующие систему хозяйства по переписям 1899, 1917 и 1920 гг. в пределах профиля. Относительные величины (показатели) сгруппированы в особые таблицы (приложение № 3); селения расположены в порядке расстояния от Москвы.

Селения с расстоян. до Москвы верст	% дворов				% овец к коровам в 1881 г.	% телят к коровам в 1881 г.
	Без коров	С одн. коровой	С 2-мя коровами	Более 2-х коров		
0 — 10	27,7	38,4	27,3	6,5	45,8	0,3
			33,8			
11 — 20	31,0	39,0	23,4	6,6	98,6	3,7
			30,0			
21 — 30	29,0	41,1	21,8	8,1	112,2	14,3
			29,9			
31 — 40	33,0	46,4	14,6	6,0	92,7	18,2
			20,6			

Будем считать, что число коров по отношению к населению является достаточно ярким показателем рыночности молочного хозяйства; конечно — величина удоя вносит в этот показатель значительные изменения; условимся все же считать норму 12 — 15 коров на 100 жителей продовольственной нормой; большие цифры должны указывать на возможность рыночного сбыта. В 1899 году (графа 4 и диагр. № 4) наибольшее число коров на 100 душ населения было в I зоне, до 15-й версты (Барашки) — около 20 коров; во II зоне с несколько меньшим числом коров (около 15) рыночный сбыт был еще возможен (от 15 — 25 верст Барашки — Черкизово); и в III зоне (около 10 коров) молочное хозяйство должно было носить лишь потребительский характер. К 1917 г. (графа 5) произошли резкие изменения, но границы между зонами оказались устойчивыми: в 1 части I зоны (10 верст до Ховрина) обеспеченность коровами упала (эта полоса раньше названа „зоной сельскохозяйственной пустыни"),

во второй части (10 — 15 верст) значительно возросла с 20 до 33 коров; во II зоне показатель с 15 увеличился до 20, в III зоне — с 10 до 15. Рыночность молочного хозяйства возрастала закономерно, физиономия каждой хозяйственной зоны сохранилась и в изменении. В 1920 году,

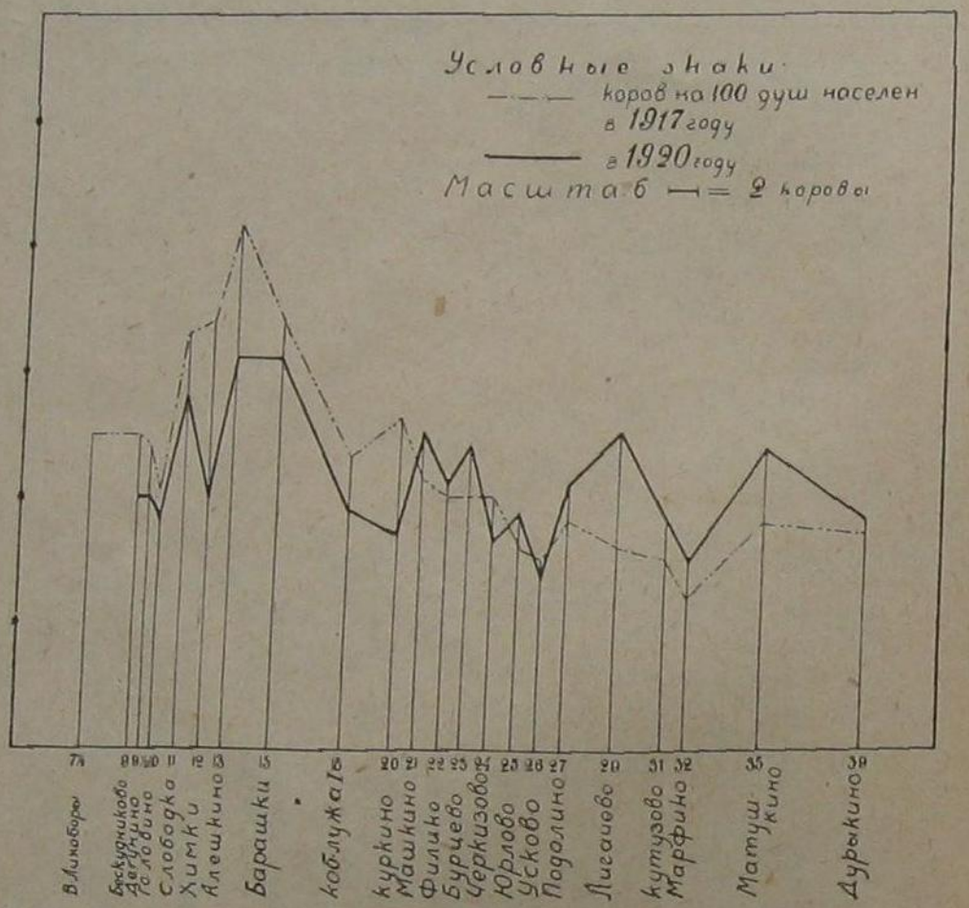
Диаграмма № 5



когда емкость рынка чрезвычайно сузилась, когда молочное хозяйство натурализовалось, надо было ожидать нивелировки в обеспеченности коровами; так действительно и произошло (графа 6 и диагр. № 6); но хотя столичный рынок исчез, обеспеченность коровами не должна была упасть резко: недостаток в привозном хлебе не мог быть покрыт никаким самым пышным расцветом подмосковного полевого хозяйства (настолько упало оно перед войной), — население должно было увеличить потребление молока взамен недостающего хлеба. Так очевидно и было (графы 7 и 8): в III зоне, а частью и во II число коров на 100 человек населения увеличилось с 1917 к 1920 году;

в первой половине зоны („сельскохозяйственная пустыня") — уменьшилось, но незначительно; во второй же части I зоны („собственно сельскохозяйственная зона" как она названа при ориентировочном обследовании) с наибольшим рыночным значением молочного хозяйства — упало в среднем на 40%.

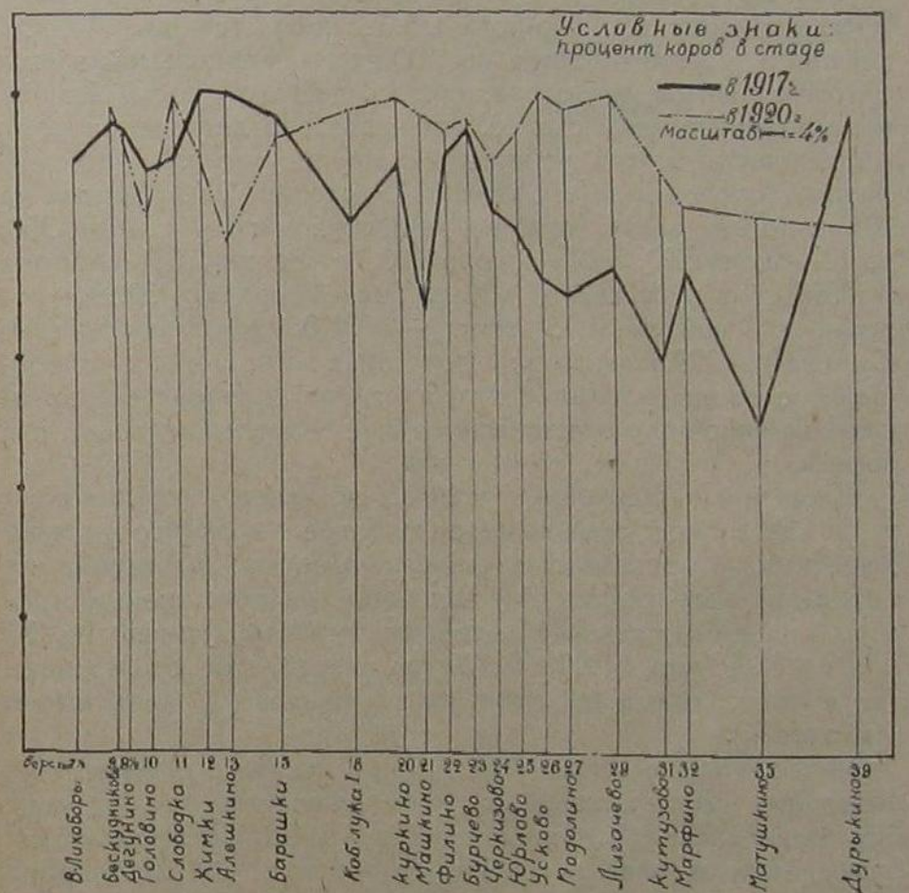
Диаграмма № 6



Возросшее значение молока для личного потребления во II и III зонах доказывается и изменением процента коров в стаде с 1917 г. к 1920 году (графы 9 и 10 и диагр. № 7). Процент коров в стаде (показатель интенсивности молочного хозяйства) в 1917 г. был наивысшим в I, самой рыночной, зоне: 95 — 100% в „собственно сел.-хоз. полосе", 90 — 95% в „сел.-хоз. пустыне"; средним во II зоне — около 80%; наименьшим в III зоне — около 65%, при чем чем дальше к северу, тем этот процент все более понижается — до 49,5% в Матушкине (35 верст от Москвы). К 1920 г. этот показатель в I зоне уменьшается, во II и III — увеличивается; корма переводились непосредственно в молоко для личного потребления, а не затрачивались для воспитания молодняка.

Таким образом, важнейшие показатели для подмосковного хозяйства, показатели рыночности и интенсивности молочного хозяйства — обнаруживают наличие зон и не только в статике, но и в движении; границы зон в общем совпадают с теми, которые были установлены ориентировочным обследованием.

Диаграмма № 7



В изменении абсолютных количеств коров от 1881 года к 1899 г., и от 1917 г. к 1920 г., а также крупного рогатого скота с 1899 г. по 1917 г. — также можно подметить некоторые географические правильности (графы 11, 12 и 13). Наибольшее увеличение числа коров с 1881 г. к 1889 г. приходится не на первую часть I зоны, а на вторую: „сел.-хоз. пустыня" как бы уже она начала образовываться, потому что увеличение коров с 1869 г. было наибольшим именно в пределах первых 10-ти верст от Москвы (см. Приложение № 3) — „пустыни" не было еще тогда заметно. Крупный рогатый скот с 1898 г. по 1917 г. в „пустынной" части I зоны или уменьшается, или растет не особенно сильно; во второй части этой зоны темп нарастания более

сильный. Абсолютное уменьшение числа коров от 1917 г. к 1920 г. в „пустынной“ зоне тоже значительно слабее, чем в „собственно сельскохозяйственной полосе“ (10—15 верст от Москвы); III зона с 1917 к 1920 году или в очень малой степени уменьшает абсолютное количество коров или, как это наблюдается в большинстве селений этой зоны, увеличивает его. Разница между зонами довольно отчетливая.

Эта разница заметна и в таком показателе, как плотность коровьего и крупно-рогатого населения (графы 14 и 15). Крупного рогатого скота на 100 десятин надельной земли в 1898 г. больше всего приходилось в первой части I зоны (но у самой Москвы слабее, чем несколько дальше от нее); вторая часть I зоны уступает по крупно-рогатой населенности второй зоне (в среднем 15 против 20). Коров на 100 д. посева в 1917 году в I зоне приходилось свыше 300, во II — около 200, в III — около 100; в Верхних Лихоборах (7½ верст от Москвы) на 100 д. посева падало 3769,2 коровы, в Фуникове (13 верст) — 1037,0, в Бескудникове (9 верст) — 979,6 и т. д.; при таких отношениях совершенно очевиден отрыв скотоводства от полеводства. организация молочного хозяйства преимущественно на покупных кормах.

В связи с удорожанием кормов по мере приближения к Москве, в связи с возможностью более выгодного употребления их на производство молока, а не на выращивание молодняка всех видов, стоит изменение на протяжении профиля процент молодняка к рабочим лошадям (графы 16, 17 и 18) в 1899 году, 1917 и 1920 гг.: чем дальше от Москвы, тем процент молодняка становится большим (в рядах много отклонений).

Число овец по отношению к коровам, как это было уже показано, увеличивается по мере удаления от Москвы. Отношение овец к населению (графы 19, 20 и 21) тоже обнаруживает правильности в смене по зонам. В 1899 г. в I зоне в среднем около 10 овец на 100 душ населения, во II зоне около 20, в III — около 15. Границы между полосами в 1917 г. углубляются: в I зоне овцы почти исчезают, во II — увеличиваются, в III — тоже увеличиваются, но в меньшей мере. К 1920 г. овцы в I зоне еще больше теряют свое значение; разница между I и II зонами остается резкой (между Фуниковым и Алешками); во II и III зонах значение овец тоже падает, но так как падение во II зоне более сильное, то границы между полосами теряются.

Свиньи в пределах профиля впервые зарегистрированы переписью только в 1899 году (в 1881 г. еще не было отмечено ни одной свиньи); в снабженности ими населения в 1899 г. трудно уловить какую-либо закономерность — как-будто оно больше во II и III зонах. К 1917 г. (графы 22, 23 и 24) свиньи не обнаруживают роста; в 1920 г. они почти исчезают: „розовое будущее“ свиноводства под Москвой (Н. П. Макаров — „Молочное хозяйство в Московском уезде“) вероятно еще очень далеко (отсутствие переработки молока, выгодность сбыта в Москве картофеля).

Диаграмма № 8

Обратимся к полеводству. Отношение посева к пашне должно показать распространение трехполья (процент посева от всей пашни при трехполье должен быть около 60 — 70). Этот показатель выведен только для 1899 г. (графа 25). Тогда трехполье начиналось тотчас за Ховриным, с 10-й версты. Итак, с 1881 года до 1899 г., т.-е. за 18 лет трехполье отнесено от Москвы на 10 верст, а с 1899 г. до нашего времени, т.-е. за 26 лет, дополнительно только на 5 верст (от Ховрина до Барашкова) с 10-й версты до 15-й. Но севооборот еще не характеризует систему полеводства; она в некоторой мере отражается в пропорции культур.

Картофель (графы 26, 27 и 28 и диагр. № 8) в 1899 г. занимал повышенный процент только в нескольких селе-

ниях под самой Москвой (Верхние Лихоборы — 18, Коптево — 12, Ховрино — 15), — а дальше с незначительными лишь колебаниями, доля его среди посевов была почти одинаковой.

К 1917 году — резкий скачок картофеля вверх: в пределах первой зоны он занимает уже около 30 — 40% в посеве, доходя в Верхних Лихоборах, в 7½ верстах от Москвы, даже до 100%. Увеличение процента картофеля (графа 29) было в I зоне от 3,3 до 6,8 раз. Во II и III зонах увеличение довольно равномерно — от 1,5 до 2 раз. В 1920 г. (графа 30) граница между II и I зонами сохранилась (по проценту картофеля); но особенно отчетливо граница эта выступает в движении с 1917 г. к 1920 г.: в I зоне посевы картофеля среди общих посевов сокращаются приблизительно на 30 — 40%, во II и III зонах увеличиваются (отклонений по отдельным селениям немного).

Рожь в 1899 г. являлась господствующей культурой и была чрезвычайно равномерно размещена по территории (около 55%). Но к 1917 г. ее роль в некоторых полосах профиля заколебалась (графы 31, 32, 33 и 34): она начала уступать место картофелю, а в нескольких подмосковных деревнях даже овсу (Головино, Химки, Коровий Враг, Фуниково). Интересно движение процента ржи от 1917 к 1920 г. (графа 34): в первой зоне — максимальное увеличение, затем идет первая часть II зоны (+ 30 — 70%), далее вторая часть II зоны (около + 20%), в III же зоне процент ржи к 1920 году сокращается (увеличивается картофель, частично овес); конечно и это — „продовольственная" реорганизация полеводства.

Овес (графы 35, 36 и 37), будучи в 1899 г. довольно равномерно размещенным по территории, к 1917 г. уменьшается в первых шести деревнях под Москвой, в некоторых совершенно исчезает, и в конце профиля овес уступает место картофелю. К 1920 г. в большинстве деревень овес резко сокращается, особенно ближе к Москве.

Излишне приводить другие разработанные в данной теме показатели: сбор картофеля на 100 душ населения, рост абсолютных размеров посевных площадей по отдельным культурам, число десятин посева по каждой культуре на 100 душ населения, — все эти показатели (число их 16) лишь повторяют (в движении) ранее замеченные правильности.

Движение посевных площадей (графы 38 и 39) должно говорить не только об интенсификации сельского хозяйства, но и об его упадке или экстенсивном развитии. Кажется просто невероятным то огромное сокращение посевных площадей, которое произошло с 1899 г. по 1917 г.: до 80% в I зоне (особенно в пределах „с.-х. пустыни"), в Бескудникове даже на 89%. Или данные переписи 1917 г.

слишком преуменьшены или развитие отхода в Москву (и кустарных промыслов) должны были итти настолько быстрым темпом, чтобы такой катастрофический упадок сельского хозяйства сделать вероятным. К 1920 г. движение посевных площадей в I зоне пошло обратным ходом: они увеличились (графа 39); во II и III зонах шло дальнейшее уменьшение.

К сожалению, нет сплошных данных о движении промысловости. Размер ее в 1899 г. — процент промыслового населения к наличному приписному (графа 40) — был довольно высок (40 — 60%) и равномерен по территории, несколько понижаясь лишь с 27-й версты, с Саврасова, к концу профиля. Такая география не соответствует ни той картине промыслов, какая сложилась при ориентировочном обследовании, ни той, которую дает Н. П. Макаров в исследовании молочного хозяйства Московского уезда в 1911 — 1912 г. (усиление промысловости с удалением от Москвы).

Рост промыслов с 1899 года по 1911 г. по нескольким селениям виден из следующего сопоставления.

Селения	До Москвы верст	Занято промыслами лиц обоего пола		+ % − %
		1899 г.	1911 г.	
1) Коптево	8	81	64	− 21
2) Головино	10	26	30	+ 15
3) Бутаково	15	81	64	− 21
4) Кобылья Лужа 1	18	99	61	− 38
5) Петр. Лобаново	18	140	138	− 1
6) Куркино	20	137	109	− 20
7) Машкино	21	43	63	+ 47
8) Юрово	21	67	63	− 6
9) Филино	22	168	177	+ 6
10) Молшаниново	22	168	152	− 10
11) Мель-Кисарово	23	63	58	− 8
12) Черкизово	24	164	168	+ 2
13) Назарьево	29	197	222	+ 13
14) Дурыкино	39	135	181	+ 34

Или по группам	До Москвы верст	Прирост промышленник.		+ % − %
		1899 г.	1911 г.	
	8—15	188	158	− 16
	18—23	885	821	− 7
	24—39	496	571	+ 15

Ближе к Москве промыслы сокращаются в большей мере, чем дальше от нее; в крайнем поясе — прирост промышленников. Такой же вывод сделан Н. П. Макаровым в упомянутом обследовании (молочное хозяйство Московского уезда). Но и сокращение и прирост промышленников слишком незначительный, чтобы вызвать такое падение посевных площадей, которое зарегистрировано в 1917 году. Быть может здесь играло роль усиление отхода? Процент отсутствующих (графы 41, 42 и 43) действительно возрастал к 1917 г. Росло и абсолютное число отсутствующих (графы 44 и 45). Но если сравнить абсолютные числа приросшего населения и приросших отсутствующих (графы 46 и 47), то окажется, что увеличение отлива из деревни не поспевало за приростом населения. В групповой сводке это представляется так:

Селения по расст. от Москвы (верст)	Абсолютн. число прироста населения	Абсолютн. число прироста отсутствующих	Прирост отсутствующ. к приросту населен.
0 — 15	+ 386	+ 202	52,3%
16 — 25	+ 262	+ 149	56,9%
Св. 25	+ 460	+ 346	75,2%

Прирост населения наиболее покрывается приростом отсутствующих в дальних поясах; в ближайших поясах увеличение отхода имеет меньшее значение, а между тем именно здесь максимальное падение посевных площадей; остается единственное как-будто бы объяснение — перепись 1917 года преуменьшила посевные площади. Но возможно и размер отсутствующих по 1917 г. не типичен для подмосковных селений. Доля среди отсутствующих женщин (графы 48, 49 и 50) убеждает в этом: процент женщин в отходе в 1899 г. был чрезвычайно высок — это показывает на давность, прочность и распространенность отхода; а между тем в 1917 г. женщины в отходе почти не участвуют, и объяснить это просто увеличением отхода за счет мужчин военных нельзя. Конечно, этот факт (а он подтверждается отношением в 1917 г. женщин к мужчинам в рабочем возрасте — графы 51, 52 и 53) имел значение; но в 1920 г. (графа 53) соотношения полов и в рабочем возрасте пришли к нормальным (как в 1899 г.), а между тем процент женщин в отходе остался таким же малым. „Еще слишком мало статистического материала, говорящего о совершающейся эволюции

в деревне“ [1]). В географии не с.-х. занятий есть определенная последовательность.

Если судить по цифрам только что цитированной работы, то можно так изобразить эту последовательность: торговцы и лавочники около самой Москвы, потом фабричные, далее слесаря, чернорабочие (максимум в Куркине, Коровья Лужа 1, Юрове), еще далее столяры, с огромным преобладанием в Саврасове, Назарьеве, Лигачеве, Савелках и Ржавках, и наконец извозчики (Матушкино, Чашники, Дурыкино). Судя по отношению рабочих лошадей к пашне (графы 54 и 55), извозчики должны быть около самой Москвы, в I зоне. Ни плотность населения (графа 56), ни прирост его (графы 57 и 58) закономерностей не обнаруживают. То же можно сказать об угодьях. Рынок является здесь главнейшим фактором [2]).

Таким образом, можно считать, что статистическая проверка в общем подтверждает те выводы, которые были сделаны на основании ориентировочного обследования, и то же деление на зоны (диагр. № 8) с наиболее „отзывчивыми“ показателями).

Оставалось произвести бюджетное описание. Оно дало бы возможность, между прочим, вычислить ренту для разных продуктов на разных расстояниях, и тем самым иллюстрировать, почему какая-нибудь зона началась там-то, иллюстрировать абстрактные выводы Тюнена. Так как, рента = цена × урожай, — издержки в земле — изд. раб. силы (цена × число раб. дней) — изд. средств производства (оборотный капитал + амортизация) — изд. тяги — процент на авансир. капитал, — то представлялось бы возможным, установив для данного района эмпирическую зависимость всех элементов издержек и урожая от цены, подставляя любую цену (как одно неизвестное), находить возможные границы зон, предсказывать изменение их границ и т. д. Эта работа потребовала бы больших вычислений и предварительной проработки тех глав частной с.-х. экономии, которые еще не написаны.

Несколько слов для конкретного примера практической пользы „метода профилей“. На карту нанесены селения, попавшие в выборочно-статистическое обследование молочного хозяйства, произведенное под руководством Н. П. Макарова в 1911—1912 гг.

„Задачей исследования было — изучение статистическим путем организации крестьянского производства и сбыта

[1]) Н. П. Макаров — „Кредит кооперации в Московском у.“. М. 1911 г.

[2]) А. А. Кауфман — „К вопросу о районировании дробного масштаба“. П. „Как мало значения имеет местная густота населения по сравнению с таким могущественным фактором, как влияние близости к столице“ (14); то же говорит он об угодьях и почвах; „в Петроградской губернии всецело доминирующим фактором является близость к столице и обусловливаемые ею требования столичного рынка“ (20).

молока“ (2); задача — дать общую хозяйственную характеристику районов, указать место молочного скотоводства в среде других отраслей (1910).

„В основу группировки селений был положен принцип степени развития рыночных отношений в молочном деле“, которые должны быть характеризованы:

1) общим количеством сбываемого продукта;

2) ценой, по которой сбывается продукт;

Так как непосредственных данных об этом нет, взяты были косвенные признаки:

число коров в среднем у одного сбывающего молоко хозяйства;

продолжительность сбыта, выраженная в числе недель сбыта;

распространенность сбыта молока среди хозяйств.

Характеристика покупателя тоже была привлечена, как признак для разделения селений по районам (3). „Наличность того или иного вида сбыта молока, как результат длительного исторического процесса, есть чрезвычайно важный показатель именно общехозяйственных отношений“ (5). Фактически разбивка на районы была произведена в этом обследовании именно по формам сбыта. П. К. Колокольников в статье того же сборника [1]) „Сбыт молока и крестьянское хозяйство“ так и пишет: „Разбивка селений на районы по формам сбыта (2) имеет только условный характер: за основу группировки берется преобладающая в селении форма сбыта, при чем игнорируются как разновидности ее, так и существующие в ней второстепенные формы сбыта [2]) (203). Но что такое форма сбыта, не зависит ли она от более общего фактора, поддающегося более точному числовому определению, без „преобладания“? Априори можно сказать, что таким фактором будет расстояние до рынка. Экономия на расходах по транспорту единицы продукта — вот главное основание для выбора формы сбыта: на близких расстояниях эта экономия путем соединения значительных масс продукта — ничтожна, — преобладает единичный сбыт; на средних расстояниях экономия значительная (до известных пределов массы) — преобладает слив, скупщичество; на далеких расстояниях экономия возможна только путем транспортирования больших масс, собрать которые скупщик не в состоянии (малый размер капитала) — создаются условия, благоприятные для кооперации; но крупные производители

[1]) „Эк.-стат. сборн. М. У. З.“ вып. VIII. М. 14.

[2]) Курсив мой. Г. Г.

и здесь не пойдут в кооперацию (не только из-за социальной неприязни, но и из-за выгоды [1]).

Зависимость формы сбыта от расстояния признает (с оговорками) и Кукольников: „Той или иной степенью близости к Москве определяется интенсивность и характер сбыта в Москву и весь строй коровьего хозяйства“ (321).

А раз форма сбыта зависит от расстояния, то необходимо было бы районировать не по вторичному, количественно трудно-определимому признаку, а наоборот. А если положить в основу расстояние, тогда достаточно взять несколько типичных разрезов (на север, например, к Дурыкину, и на с.-в. к Пушкину, через фабричный и дачный районы), чтобы вывести те же закономерности, зависимости, что и при большей территории; кроме того, можно было бы углубить метод обследования, сделать обследование по профилю сплошным и т. д. Группировка по формам сбыта привела исследователей к необычайной пестроте и чересполосности районов (см. карту на стр. 118), и отнесению в один район разнородных в хозяйственном смысле селений, с разной близостью к рынку; беру для примера:

Районы по Н. П. Макарову	Селения	До Москвы верст	Коров на 100 д. нас.	%сбыв. молока, кор. хоз. лет.	% дворов с пром.
III подмоск.-скупщицкий . . .	Коростово, Черкиз. в., Ивановское	22	12	53	96
	Пехор. в.	9	20	88	81
V фабричный . . .	Пучки Озер. в. Шарапово	28	14	47	98
	Мытищ. вол.	17	21	84	63
VII Дачный	Моршикино,	30	14	76	100
	Чер. в., Пех. в.	17	17	74	74
VIII Скупщицк. дальный	Терехово, Дур. в., Лья-	45	13	14	96
	лово Дурык. в.	38	14	38	98

[1]) Л. Н. Литошенко — „Снабжение Москвы и др. больш. городов молоком.“ М. 1910. „Германские молочные т-ва объединяют, гл. обр., среднее и мелкое крестьянство“ (143); см. также таблицу на стр. 146 о молочных кооперативах Дании — чем больше коров на 1 участника, тем меньший процент из хозяев этой группы принимает участие в кооперации.

Итак, вовсе не желая конкретной частью настоящей работы доказывать результативность „метода профилей", автор хотел наметить лишь пути исследования движения районов, рассчитывая осуществить его полностью и повторно при благоприятных обстоятельствах, и надеясь, что метод подвергнется научной критике, а может быть и практическому применению.

С. М. МАЛЫШЕВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОФИЛИ

Москва—Оренбург, Москва—Ростов/Дон, как примеры макропрофильного исследования.

Целью настоящей работы является описание так называемого метода экономического профиля и применение его при характеристике пространственного распространения цен по СССР в направлении Москва—Оренбург и Москва—Ростов/Дон.

Применяя тот или иной метод, мы должны выполнить три задачи и чем мы совершеннее их выполняем, тем лучше будет тот метод, который мы применили.

Во-первых, должны быть точно зафиксированы отдельные элементы данного сложного явления во времени и в пространстве так, чтобы о них было одинаковое представление у всех, их рассматривающих.

Во-вторых, эти зафиксированные элементы надо как-то расклассифицировать, составив по тем или иным определяющим моментам наиболее совершенную классификацию, вызывающую минимум сомнений.

И третья задача при применении того или иного метода, это — установление причинных связей между отдельными расклассифицированными элементами.

Все эти три задачи объединяются одной целью, которую мы себе ставим, когда приступаем к изучению тех или иных явлений, применяя тот или иной метод.

Метод экономического профиля, как показывает само название, предполагает перенесение понятия профиля из естественных наук в экономические и применение его, как метода изучения экономических явлений.

В естественных науках профиль — это вертикальный разрез какого-нибудь предмета в направлении, имеющем практическое или познавательное значение. Этот разрез показывает составные части, очертания этих частей, характер разделяющих их пограничных линий.

По аналогии экономический профиль это — вертикальный разрез какого-либо экономического явления в пространстве,

СОДЕРЖАНИЕ:

стр.

А. В. Чаянов — Предисловие 5

Г. И. Горецкий — Экономический профиль. Петровско-Разумовское - Дурыкино 12

С. М. Малышев — Экономические профили: Москва — Оренбург, Москва — Ростов/Дон, как примеры макропрофильных исследований 39

А. А. Рыбников — Экономические профили в системе изучения закономерностей размещения хозяйственных явлений в пространстве 82

A. V. Tchianov — Preface 120

G. I. Goretsky — The „economic profile" of Petrovsko-Rasumovskoe-Durykino 120

S. M. Malyshev — The economic „profile" Moskow-Orenburg, Moskow-Rostov/Don, as examples of „makroprofilic" investigations 122

A. A. Rybnikov — Economic „profiles" in the system of the study of the regularity of distribution of the economic phenomena on a territorial basis 124

Prof. A. V. Tchianov. Preface

The published works represent an addition to the theory of economic geography. Recently in economic literature various explanations of the mechanism of reaction of developing factors have been put forward as fundamental themes of geographical work. This new subject called for elaboration and new methods. The work in question — Article by S. M. Malyshew, „Makroprofile" — represents an essay on the application of one of these methods, i. e. that of economic profiles. The book gives an idea of the mechanism of the influence of the great Moscow consuming market on the structure of the farms in surrounding districts. The „profile" Moscow — Black Sea port is of particular interest; here can be seen the struggle of the influences of the inner consuming market and the export market of the port. The work of G. I. Goretsky is the result of expeditions undertaken to verify theoretical conjectures on the possibility of a definite institution of district boundaries. Both these works, apart from their positive conclusions, have brought forward a whole series of new economic problems which were never before felt or considered. In the future, the method of economic „profile" should be one of the cheapest and quickest methods of research in unknown areas (instead of the most expensive, continuous and casual expenditures), by means of a close net of interwoven „profiles", interpolating the registered „profile" phenomena on the whole inter-„profile" area. Prof. A. A. Rybnikov article is devoted to a definition of the conditions and limitations in adaptation of the methods of economic profile. In addition it suggests a way to further development.

G. I. Goretsky. The economic „profile" of Petrovsko-Razumovskoe-Durykino

Great differences of opinion exist as regards a definition of the object of economic geography on the whole, or in its separate branches, as well as on the question of method — for instance, as to whether economic geography should explain the disposition of economic phenomena in the area or only to make mention of them. To define economic geography as the science of economic districts and their mutual reaction

means to consider that the geography of a system of farms contains within itself all economic geography, or to consider that a part is equal to the whole, since the district is nothing more than a system of farms formed on a territorial basis and fixed in a like manner.

Actually, the geography of a system of farms is the most important part of economic geography. A consciousness of this fact led to the carrying out of this work. Up till quite recently in literature statics of various districts gave more interest than their dynamics, territorial transposition or reforms. The latter urges the necessity of a study of inter-regional strips for which the existing statistical methods of research — the census — are inadequate, since they are very seldom taken; the electoral census gives no real picture of the spacial continuity in territorial transposition of districts; and budget statistics give a picture of the movement of separate farms and not of regions. These deficiencies are avoided by the method of „economic profile" by which (1) investigation is made on stretches of territory in the form of an elongated right-angled triangle, an iscosceles trapezium, or a sector, (2) the direction of these divisions should intersect the inter-regional strips of territory with various systems of farming, (3) the investigations should be checked by a second, and should contain an individual monographic essay of all villages of the „profile" and a budget essay of typical farms, 4) the working up of the material should be done by signs expressing the farming process and others denoting the results of farming.

We shall put into practice the method of economic „profile" by a description of the influence on the system of farming of one particular factor, as for instance, distance on the variability of the soil, etc. This method can find practical expression in the railway scheming. By the economic changes in the „profile" net, it would be possible to judge the economic changes in the territory of any particular country.

The present „profile" Petrovsko-Razumovskoe-Durykino embraces a district 33 versts in length along the Octiabrski railway and 6 versts wide — 3 versts on each side of the railway. This district was chosen as one developing under the forceful influence of Moscow, and having a petty handicraft industry. The equal distances from the railway guaranteed the homogenity of its influence. Statistics from 1899, 1912, 1917 and 1920 were used; investigations were made of 12 villages, and in the programme were included: the number of farms, population, home industry workers, the nature of the industries, number of head of cattle and their species, agriculture, premises, interchange of cultures, conditions of sale, prices, where and what is sold, whether organised credit existed. In the programme of reduced budgets, 72 of which it is intended to

obtain, and 44 of which are already collected, were included points bearing on the question of the connection of peasant economy with the market, such as for instance: what the peasants buy, what they sell, for what sums of money, etc., and questions on the technique of cattle-breeding, for instance, the feeding of cattle, whether there exists summer grazing, warm or cold cattle sheds, etc.

As a result of an analysis of statistics collected, the following zones were mapped out along the length of the „profile": 1) industrial orchards, 2) free farms with so-called „agricultural deserts" where the possibility of the realisation of labour power in Moscow displaces such agricultural systems as cannot give such payment for labour as Moscow. (Tiunen could not indicate this zone as he laid down the co-relationship of rent and not that of payment for labour). 3) Agricultural zones, 4) Handicraft industry zones. These zones, obtained as a result of investigations, were verified; for this purpose the work of K. A. Verner „Agriculture around Moscow" was used, as well as that of N. P. Makarov „Dairyfarming in the Moscow district" and others. Statistical verification supported the division into zones on the basis of orientational investigations.

S. M. Malyshev. The economic „profile" Moscow-Orenburg, Moscow-Rostov/Don, as examples of „makroprofilic" investigations

The aim of the work is to describe the „economic profile" method and its practical adaptation, with characteristics of territorial distribution of prices. As natural sciences, in their definition of different layers of earth, their structure limits and so on, adapt the „profile" method to a study of soils, — so economic „profile" assures the possibility of following the territorial structure of this other phenomena of people's economy, as well as its changes and fluctuations. The selection of the direction to be followed by the „profile" method of investigation is subject to preliminarily acquired knowledge of the general structure of people's economy. Under „makroprofilic" investigations one should prefer those forms of economy wich are, territorially, constantly and regularly changing. The method of economic „profile" can give huge results combined with conjectural observations, which at present rarely deal with territorial changes in displacement of different branches of people's economy. Besides, at differing periods the conjectural characteristic often includes differing territorial objects which inevitably prevent the construction of a true picture of economic changes. The method of „economic profile" would ensure that this existing defect be avoided.

The present work presents the „profile" investigation of prices. In present day conditions of soviet economy, a big factor influencing the markets are the planning and regulating measures. We include them, on the one hand, with supply and, on the other, with demand. According to the given problem, the chosen points are connected by railway, some being points of production and others consuming points with Moscow as the main point of consumption. In the direction from Moscow eastwards are taken in Riazan, Tambov, Penza, Saratov, Ulianovsk, Samara—Orenburg. In the direction from Moscow southwards are Tula, Orel, Kursk, Kharkov, Rostov/Don. Goods—rye, oats, rye-flour, wheat-flour, potatoes, „boiled" butter, prime beef, salt, cane-sugar, herring, kerosine, nails. As can be seen, we have here products from the fields, from cattle-rearing operations, market-gardening—food, grocery products and manufactured goods. For each of these districts, the socalled „theoretical" price is defined and attracts the real local retail price.

The theoretical price is that for each point, which is obtained by deducting from the Moscow price the cost of railway transport. In order not to complicate the problem, we consider the extent of undertakers profits to be equal for all administrative points and in the expense for transport we do not include the costs to the departure station and in the actual town of Moscow, which is included in the actual retail price. For the actual price we have taken retail and not wholesale, in view of its predominance on the market in conditions of Soviet economy 1924/25. As a result of analysis of all prices, four land-belts can be laid down: (1) that surrounding Moscow, (2) the cis-Volga belt and the central towns, (3) the Volga belt and in a southern direction the Kharkov belt, and (4) the trans-Volga and southern belt.

In the first belt prices are fixed under the influence of Moscow with its huge concentrated demand. And before the war and in 1924/25 to an even greater degree, the actual prices of this belt were lower than the prices in Moscow. But, in the case of some goods, in connection with the regulating measures of the government in 1924/25, we have either equal prices with Moscow, or in Moscow lower prices.

In the second belt local conditions and a greater proximity to the place of production begin to influence more directly. Here is observed a lowering in prices with a preceding slight rise, and in the case of some goods, stabilisation of prices with a tendency to lower them.

In the third belt, the influence of the river Volga and the southern industrial centres, enhancing the demand, causes a rise in prices.

In the fourth belt, prices rise under the weakened influence of Moscow and the lessening influences of the river Volga